



Психологические и социальные аспекты негативных феноменов поведения человека

Павел Тюрин

ПСИХОЛОГИЯ ФЕНОМЕНА ХУЛИГАНСТВА КАК АСОЦИАЛЬНАЯ ФОРМА САМОРЕАЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ*

***Аннотация.** Психология феномена хулиганства рассматривается как противоправное явление, как противостояние человека любым ограничениям, в которых он видит ущемление своей свободы, как асоциальная форма стремления к самореализации.*

***Ключевые слова:** феномен и мотивация хулиганства; протест и вызов; стремление нарушать нормативность; хулиганство как асоциальная форма самопрезентации.*

***Abstract.** Psychology of hooliganism is considered as illegal phenomenon, as man's confrontation to any restriction which he interprets as infringement of his freedom and as asocial form of self-realization.*

* Основные положения исследования были представлены на 71-й научной конференции теологического факультета Латвийского государственного университета «Что есть жизнь». Tjurins P. Huliģānisma psiholoģija (Dabas normativitāte un psihes nenormativitāte) – LU teoloģijas fakultātes 71. zinātniskā conference «Kas ir dzīvība», 8 februārī 2013 g. – URL: <http://scireprints.lu.lv/229/1/Tjurins.Huliganisma.psihologija.doc>; Психология хулиганства (нормативность природы и ненормативность души) // Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Развитие человека в современном мире», 16–18 апреля 2013 г., Новосибирск (Россия). – С. 234–249. – URL: http://fp.nspu.ru/sites/fp.nspu.ru/files/docs/tyurin_p.t._psihologi_ ya_huliganstva.pdf

Keywords: *phenomenon and motivation of hooliganism; protest and challenge; tendency to violate norms; hooliganism as asocial form of self-realization.*

Проклят гнев их, ибо жесток,
и ярость их, ибо свирепа.

Быт. 49:7

Склонность
к агрессии и ее
источки

Пытаясь понять причины склонности к агрессии, психологи находят разные объяснения. Одни усматривают ее истоки в плохой наследственности; другие считают, что она возникает как стремление восстановить справедливость в ответ на оскорбление или как реакция на возникшее препятствие; третьи говорят, что многие видят в ней привлекательную поведенческую модель, доказывающую наличие у человека лидерских качеств и надежность, и др. Существующие теории агрессии достаточно убедительны в отношении преступлений, в которых обнаруживается какой-либо корыстный мотив, есть конкретная причина их зарождения. Но есть разновидность преступлений, которые именуют как «немотивированные преступления», когда для их совершения у преступника, казалось бы, не было никаких видимых причин.

Тяготение человека
ко злу

Несомненно, какая-то причина все-таки существует, если не внешняя, значит, некая внутренняя – собственное тяготение человека ко злу. Но имеющиеся у психологов диагностические методы не позволяют обнаружить у большинства так называемых немотивированных преступников существенных психических отклонений от нормы, и вопрос о том, каким образом возникает немотивированная агрессия, остается открытым – во всех теориях преступности остается необъясненный остаток. Зло как бесконечно малая величина меньше любого рационального числа (объяснения), но все же больше нуля. Оно изворотливо и реально присутствует, хотя рационально никак неуловимо, и потому ни одна из упомянутых психологических теорий не в состоянии локализовать его существование до такой степени, чтобы поставить ему окончательный «диагноз» и указать способы избавления.

Немотивированные
преступления

Изучая случаи «немотивированных» преступлений, совершенных «с особой жестокостью и цинизмом», приходишь к убеждению, что целью преступника было не просто устранение человека как мешающего препят-

Глубинное родство тяжких немотивированных преступлений и хулиганских проступков

ствия, а преследовалась некая сверхзадача. Человеческий разум отказывается верить в реальность случившегося и пытается защититься, объявив преступника сумасшедшим, полагая, что нормальный человек такое совершить никак не мог, – таким образом люди стараются успокоить себя. Но, увы, слишком часто судебно-психиатрическая экспертиза вынуждена констатировать, что преступник психически здоров и во время совершения преступления находился во вменяемом состоянии.

Несмотря на разность масштабов совершаемых преступлений между тяжкими немотивированными преступлениями и хулиганскими проступками, можно рассмотреть их глубинное родство, и только чудовищность первых заслоняет общее в их структуре и психологической физиономии. Уголовные кодексы разных стран к такому социальному явлению, как *хулиганство*, относят дерзкие и как будто бесцельные деструктивные действия, смысл которых в том, чтобы демонстративно заявить о презрении к законопослушному обществу. То есть хулиган вроде бы психически нормален, и вместе с тем его действия поражают своей неадекватностью. Это те случаи, когда нет четкого мотива и его агрессивные действия не соответствуют внешней ситуации, но в то же время нет галлюцинаций, бреда, патологического аффекта (*англ. hooligan; ирл. houlie* и др.)*.

Иллюзорное видение хулиганом себя в социальных условиях

Склонность к оскорбительному поведению психологи объясняют тем, что это помогает некоторым асоциально ориентированным людям казаться более сильными и значительными в собственных глазах. Хулиган получает особое удовлетворение от зрелища несчастья и унижения другого, и иногда кажется, что оно сродни исполнению долга отмщения всем; он радуется не просто победе над другим человеком, но испытывает восторг от нанесенного ущерба другим и унижения окружающего мира.

Хулиган обычно спонтанен, нередко – из сиюминутного видения ситуации

Человек асоциальный, склонный к хулиганству, в своих решениях обычно исходит из сиюминутного видения ситуации и лишь изредка вспоминает настав-

* Существуют разные точки зрения на происхождение обозначения этого явления. По одной из них термин «хулиганство» произошел от древнерусского слова «хулить». В Толковом словаре Вл. Даля слово «хулить» означает: хуливать, не одобрять, порицать, хаять, порочить, унижать, осуждать, обзывать дурным, плохим, негодным (*Даль Вл. Хулить // Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. IV. Р – В. – М., 1982. – С. 569*).

В Словаре русского языка *хулиган* – тот, кто нарушает общественный порядок, кто занимается хулиганством (*Словарь русского языка: в 4 т. Т. IV. С – Я. – М., 1984. – С. 631*).

ления и предыдущий опыт. Общий характер любых законов не является для него убедительным, чтобы уверенно экстраполировать их в будущее. Такой человек часто убеждается, что его действия через совсем непродолжительное время приводят к результатам, которые он вовсе не предвидел, и потому во многих случаях действует наугад, рассчитывая на удачу, опираясь на непосредственное восприятие ситуации и оценку лишь ближних изменений*.

О человеке же вообще можно сказать, что он «тактичен», но почти никогда не «стратегичен», и потому имеет лишь мнимость правильности и предусмотрительности поведения. Если бы люди обладали *абсолютным знанием* о закономерностях, действующих в мире, и неуклонно следовали им, тогда они могли бы избежать ошибок**.

Обычно многие люди так или иначе пытаются систематизировать имеющиеся у них знания о мире, на основе которых они формулируют принципы поведения и, следуя выработанным правилам, стремятся упорядочить свои отношения друг с другом, выстраивая хоть в какой-то степени законоподобные связи, и потому отклонения от заданных правил расцениваются как покушение на установленный миропорядок.

Табу, законы и декларации, установленные человеком (в частности, юридические нормы), можно оспорить, изменить, нарушить, исказить... А поскольку за нарушение социальных законов преступник автоматически не получает от внешнего природного мира наказания, это является для него доказательством, что природой его действия не «воспринимаются» как нарушение, а значит, не являются преступными. Поэтому общество само уста-

Значение табу,
законов
и деклараций

* Кажущаяся отсрочка возмездия за нарушение ограничения или запрета действует во всех сторонах жизни человека. Он может сразу и не почувствовать вреда, который сам себе нанес, и только со временем начинает испытывать разрушающие последствия совершенного им в прошлом. В частности, по этой причине человеку предписывается соблюдать все Божьи заповеди, которые определяют, что полезно для человека, а что вредно. Сам же он не в состоянии предвидеть возможные последствия своих поступков и установить их действительный источник.

** Лаплас надеялся, что человечество сможет достичь лучшего научного понимания мира, хотя и осознавал, что, если такое произойдет, все равно потребуются огромные вычислительные мощности, чтобы произвести такие расчеты в определенный момент. Однако, несмотря на то что развитием мироздания как динамической системы в целом управляет детерминистический закон, на практике незнание начальных состояний исключает всякую возможность детерминистических предсказаний.

навливают свои нормы возмездия за преступления, имитируя принцип ответного действия (кары, возмещения) как нарушение природных законов. Но преследование и наказание преступника становятся возможными только после того, как преступление обнаружено, имеются следы его совершения, и когда он сам схвачен. Однако в течение всего периода подготовки и совершения преступления, вплоть до задержания преступника, он обычно не имеет препятствий для исполнения своих намерений, и часто для него в реальной жизни так и не наступает возмездия. Неочевидность неизбежности наказания за нарушение социальных норм порождает у преступника уверенность, что ему за это «ничего не будет». Между нарушением некоего предписания или заповеди и последующими за этим неприятностями всегда имеется некий промежуток времени, «отсрочка» наказания, которое будто бы может и не наступить вовсе.

Почему у человека не срабатывают противовесы помыслу совершить преступление

Для психолога значительный интерес представляет выявление причин, почему у человека не срабатывают противовесы появившемуся помыслу совершить преступление. Почему у него не только возникает побуждение к противозаконному действию, но и формируется *позитивное самовосприятие*, несмотря на то, что он, как правило, отдает себе отчет в том, что его действия преступны?

В криминальной психологии преступника характеризуют как человека, которому «то, чего хочется, всегда кажется необходимым». Если у преступника нет социальных и нравственных норм, которые могли бы повлиять на его поведение, то управляющим фактором часто становятся внешние воздействия, поощряющие его к действию либо препятствующие этому.

Кредо преступника: сила необузданного гнева дает право действовать

Можно утверждать, что в большинстве случаев преступник руководствуется принципом: *слабость подобна пустоте, которая заполняется силой*. Следование этому принципу и формирует соответствующий алгоритм действий его преступно-поисковой установки в коридоре имеющихся возможностей: «*Если возможно – значит, можно?*» В любой конкретной ситуации преступления, если сопротивление жертвы отсутствует или не является для него угрожающим, это воспринимается им как пустота, которая может и должна быть заполнена его силой – насилием. Преступление уже перестает восприниматься им как нечто недопустимое, а лишь как некое специфическое усилие, требуемое для достижения его цели. Возникающие перед ним раз за разом вопросы: можно или нельзя продолжать начатое, подобно ударам метронома, отбивают такты совершаемого им

Преступная установка: «Если возможно – значит, можно!»

Принцип удовольствия и псевдосвобода выбора

Псевдосвобода создает иллюзию права следовать импульсу

преступления – ответы ему дают реакции жертвы, ослабляющие или усиливающие его агрессивность.

Даже при тщательно спланированном преступлении преступник действует как бы на ощупь и постоянно следит за малейшими изменениями среды, реакциями жертвы и ее окружения. Если не возникает опасных для него последствий, он продвигается дальше, дальше... Ничто не дает ему знать, не подсказывает, что он совершает нечто плохое и недопустимое, – вокруг него практически ничего не меняется. Всякая отсрочка наказания воспринимается им как дозволение, поощрение и поддержка. Не получая отпора в совершении преступных действий, насильник укрепляется в мысли, что направление его действий верное: «Если возможно – значит, можно!» Разрешив себе совершить преступление (приняв для себя его допустимым), он каждое последующее действие мысленно соотносит с этой установкой и либо затормаживает, либо продолжает его реализацию [1, с. 68, 84].

Возможно ли найти человека, который согласится, что он сознательно отстаивает неправые (неправильные) идеи и цели? Таких, видимо, просто не существует. Даже если человек последовательно проводит в жизнь программы, от которых людям тошно, он, тем не менее, считает, что так правильно, так надо, люди это заслужили. Лжет ли человек, предает ли близких, убивает ли заложников, подавляет ли бездарный талантливую, использует ли одна группировка против другой бесчестные приемы и т.д. – всему человек находит оправдание и считает, что то, что он делает, справедливо. Мнение человека, считающего, что всегда поступает «хорошо», связано с тем, что его поведение в принципе имеет множество вариантов, обдумывая и взвешивая которые, он выбирает какой-то один. Окончательный выбор он производит, опираясь на наиболее ему желаемое («правильное»), и это дает ему ощущение *свободы выбора*. В дальнейшем, при необходимости дополнительного убеждения себя и других в своей правоте, в ход пускается логика, в том числе срабатывает психологический механизм рационализации, когда человек, произвольно оценивая собственные действия и поступки других людей, приводит их к нужному ему знаменателю: он избирательно оперирует не «арифметическими», а так сказать, «алгебраическими» смысловыми величинами, значение которых им произвольно увеличивается или уменьшается в зависимости от того, соответствует ли итоговый результат желаемому.

Примечательная особенность псевдосвободы выбора в том, что она делает совершенно незаметным факти-

ческое следование принципу удовольствия. То, что нравится, хочется, – то и хорошо! Это плоскость существования не выбирающего человека, а запрограммированного на потребление по возможности «вкусненького», с иллюзорным ощущением свободы выбора. Выбор же имеет место не тогда, когда человек подчиняется только своим желаниям, – свобода выбора проявляется не в различении между «мне или не мне», а в установлении и выборе между «лучшим» и «худшим», критерии различения которых за пределами физиологического существования, вне обременяющих и вынуждающих ситуативных требований – во вневременных сферах*.

Выбор – это борьба между соблазном и ответственностью

Основной смысл свободы выбора в том, что она делает человека способным к различению императивных и факультативных ценностей. Выбор, следовательно, – это борьба между *соблазном* (подчинением своим желаниям: «приятно мне»; «хорошо мне») и *ответственностью* за то, что нуждается в поддержке, проявляемой в форме обеспокоенности за сохранение фундаментальных структур человеческого облика мира или в форме прямого сочувствия другому человеку, то есть *свобода проявляется в сочувствии* [2, с. 60].

Однако приходится признать, что человек катастрофически часто не склонен по доброй воле расставаться с иллюзиями мышления, когда ему только кажется, что он мыслит и понимает, хотя до понимания ему еще очень далеко. Тем не менее, если и имеет смысл говорить о некоей отличительной особенности человека, то это именно *свобода*, которая освобождает его от любых самообвинений**, поэтому даже если иерархия перево-

* Человек приближается к ситуации свободы (выбора), когда начинает отдавать себе отчет в том, что есть культурологическое и нравственное измерение в мире, на оси которого зацепилось и держится его существование. Тогда он осознает, что на гуманитарные ценности как на идеальный камертон должны быть настроены все инструменты его деятельности.

** Это объясняет тот факт, что практически все преступники, оказавшиеся в заключении, считают несправедливым вынесенное им наказание. Даже искренне раскаявшийся в совершении ужасного преступления и сам же не находящий ему оправдания, «умом понимая», что зло должно быть наказано, тем не менее, в глубине души считает, что не заслуживает наказания, поскольку он уже не тот, кем был раньше, – теперь он другой. Судить и наказывать надо того, вчерашнего, прошлого, а не его сегодняшнего – присущая ему свобода протестует против какого-либо ее ограничения и требует освобождения. Как показывают специальные исследования, это чувство «несправедливости» или «ненужности» наказания несут в себе практически все осужденные. Собственно, по этой причине возникает дилемма предпо-

Хулиган – человек
нравственно
незрелый

Склонность
к хулиганским
поступкам
определяет
повышенную
конфликтность

рачивается и частное и преходящее начинают доминировать, ощущение свободы не исчезает*.

В психологической литературе хулиган характеризуется как человек нравственно неразвитый, и потому он ведет себя вне связи с общепринятыми нормами, полагая, что законы, правила и мораль не для него. Он не задумывается о последствиях своих поступков и часто действует под влиянием момента, опираясь на сиюминутно желаемое, наслаждается своей безнаказанностью, что дает ему ощущение свободы и полноты жизни**. Объяснения причин хулиганства обычно сводятся к перечислению личностных особенностей человека, обусловленных возможной неудовлетворенностью первичных потребностей в любви, защите, неблагоприятным детством, в результате чего происходит эмоциональное отторжение от окружающих, и в будущем это может вызвать агрессию, садизм и прочее как реакцию отмщения за нанесенные обиды.

Склонность к хулиганским поступкам может быть обусловлена повышенной конфликтностью человека (как следствие его низкой адаптивности), тревожностью, заниженной самооценкой, желанием изменить устоявшееся представление о себе, искаженными ценностными ориентациями, отличающимися от общепринятых этических норм, и др. Тем не менее остается непонятным, почему у них возникает потребность провоцировать у окружающих возмущение, причем именно с целью вызвать у людей негативную, шоковую реакцию, и чем ярче эта реакция будет, тем большее

чтений – «судить по закону или по справедливости, по совести». И это лишь подтверждает вывод: что бы ни сделал человек, какие бы преступления он ни совершил, его личная внутренняя свобода не утрачивается ни при каких обстоятельствах – она ни от чего не зависит и никому не подчинена.

* Ситуация «*действительность свободы и иллюзия свободы*» отчасти подобна противостоянию «*знающего и незнающего*»: уверенность Сократа в открывшемся ему «*Я знаю только то, что ничего не знаю...*» в своей психологической явленности сознанию ничем не отличается от уверенности обывателя, что он *знает* все, что нужно знать. Что каждый из них в дальнейшем будет делать с осознанием своего знания – это уже иная плоскость, иной аспект значимости их знаний в их жизни.

** Многие люди, опасаясь наказания, избегают участвовать в непристойностях, но испытывают удовлетворение, близкое к зависти, подсматривая, как это вместо них делают другие, а всё потому, что здесь, на земле, они хотят прожить свою грешную жизнь сполна, ну а уравновесить ее своей ангельской сущностью рассчитывают как-нибудь после, потом – возможно, на небесах или в мечтах.

удовольствие получит хулиган*. Его основная задача – ошеломить окружающих наглой и грубой выходкой, вселить в них чувство страха и тем самым подчинить их своей воле. Это дает ему ощущение собственной значимости, что в совокупности с чувством вседозволенности для некоторых людей становится особенно привлекательным [3].

Хулиганство как разрядка внутреннего напряжения

Внешне хулиган – это обычный человек, который периодически испытывает как будто неразумную потребность противостоять всем и всему. В эти периоды все чувства хулигана так или иначе фокусируются в направлении тотального негативизма и враждебного отношения к миру, и кажется, что он хочет нанести вред миру в целом. За что?! – «За всё всем вообще!» Как правило, этому предшествует общее недовольство жизнью, что приводит к нарастанию в нем чувства, что он должен что-то предпринять, «стукнуть» по устойчивости и упорядоченности мира, растормошить его и «вывести из себя», и только внешняя среда и воспитание блокируют реализацию решительного действия. Но рано или поздно блокада накопившегося напряжения оказывается недостаточной, и тогда случайный раздражающий фактор приобретает свойство пускового механизма и эмоциональная разрядка в виде агрессии становится неизбежной. Такое экспрессивное поведение является выражением и частью внутреннего состояния хулигана, и потому внешние проявления не имеют определенной цели и ни на что специально не направлены. В большинстве случаев только страх наказания заставляет хулигана подавлять свое стремление, вынуждая жить двойной жизнью: на виду соблюдать нормы поведения и быть «правильным», но, когда социальный контроль ослабевает, он начинает делать все, что ему вздумается.

Хулиганские побуждения – поиск повода для агрессии

Хулиганские побуждения обычно возникают по незначительному внешнему поводу, когда ситуация, в том числе будущий потерпевший, не дает повода для агрессии, и их жертвами часто становятся совершенно случайные объекты [4, с. 167]. И даже если рядом с хулиганом не окажется того, кто хоть чем-то его заденет и даст повод к агрессии, он все равно найдет причину, чтобы выразить свое презрение к окружающим, особен-

* В этом хулиганская бравада сходна с псевдоэксгибиционизмом (публичное обнажение гениталий с целью получения удовольствия от шоковой реакции наблюдателей, для которых это оказывается неожиданным или нежелательным).

но к законопослушным гражданам, и чем «правильнее» эти люди, тем большую ярость они у него вызывают. Бросая дерзкий вызов окружающим, он сам инициирует скандал, а ответное возмущение и попытки одергивания становятся для него уже конкретной причиной дальнейшей агрессии.

Откуда у хулигана уверенность, что он прав в своем циничном отношении к миру

Но откуда у хулиганов возникает уверенность, что они правы в своем оскорбительном отношении к миру, несмотря на то, что доказать это ничем не могут? Ведь та иррациональность и неконкретность наступательности, отсутствие конкретных причин для их претензий кажутся чрезмерными только лишь с целью пустого бахвальства. Хулиганство следует отнести к *немотивированным* преступлениям в том смысле, что подобные поступки оказываются несоразмерны породившему их поводу, не являются логическим завершением стимула, и это-то вызывает сомнения в психическом здоровье и вменяемости человека*. Особенность этого вида преступлений заключается в необычности их мотивов и цели, так как с позиций житейской логики они необоснованны, неразумны и бессмысленны.

Нельзя не вспомнить по этому поводу П. Флоренского, который писал: «...сквозь зияющие трещины человеческого рассудка видна бывает лазурь Вечности» [5, с. 489]. Здесь мы видим и чувствуем посыл духовного человека.

Поиск неприятностей – потребность в отрицательных эмоциях

Во второй половине XX века была выдвинута нейропсихологическая гипотеза относительно происхождения неосознаваемых негативных мотиваций. В.А. Файвишевский размышлял о существовании неосознаваемых негативных мотиваций и их проявлений в поведении человека. Исследователь выражал уверенность в том, что в условиях отсутствия идеалов периодически может возникать потребность в отрицательных эмоциях («поиск неприятностей»), что может способствовать их реализации в асоциальных поступках. Но, хотя выбор человека отчасти обусловлен биологическими факторами, его цели определяются внешними факторами и личностными установками [6, с. 437].

Зло как реализация хулиганом своей протестной воли

Кажущиеся «бескорыстность» и немотивированность хулиганства обусловлены тем, что в эти моменты человек творит зло из удовольствия от самого исполнения им злого действия и реализации своей протестной воли. В его дей-

* В большинстве случаев судебная практика имеет дело с корыстными преступлениями, и потому они понятны и в определенном смысле «нормальны».

О существовании неосознаваемых негативных мотиваций

ствиях действительно нет прямой и очевидной выгоды — хулиган лишь выплескивает свою агрессию, в результате чего страдают не только люди, но и животные. Нередко хулиганство сопровождается актами вандализма: разрушаются вещи, строения, произведения искусства.

В.А. Файвишевский настаивал на том, что системы «отрицательной мотивации обеспечивают неудовлетворенность мужеством, способностью к дерзаниям и риску. <...> Побуждения всегда подвергаются рационализации и возникают в сознании только под фасадом положительных влечений» [6, с. 442–445].

Хулиган стремится заявить окружающим о своем неуважении к ним, но, поскольку подтвердить свои претензии к ним ничем конкретным не может, это его еще больше заводит, и тем более ожесточенным и безжалостным он становится в попытках «высечь» хоть какую-то искру смысла из своих выходов. Эту человеческую «странность» (гипертрофированную агрессивность) описал К. Лоренц: инстинкт, служащий у животных сохранению вида, у человека «перерастает в гротесковую и бессмысленную форму».

Для хулигана унижение окружающих подобно сверхценности

Странность хулиганства в том, что унижение окружающих для него подобно сверхценности. В азарте куража хулиган готов «раскурочить» весь мир, чтобы не только посмотреть, что там, в конце, за его видимостью, но и заявить всему миру, что его душа никому и никогда неподсудна; при этом мир по отношению к любым его акциям должен быть совершенно «лоялен»*, поскольку хулиган претендует на свое абсолютное алиби.

Необходимость контролировать и подавлять асоциальные побуждения

К. Лоренц справедливо писал: «Мы все страдаем от необходимости подавлять свои побуждения; одни больше, другие меньше — по причине очень разной врожденной склонности к социальному поведению. По добром, старому психиатрическому определению, *психопат* — это человек, который либо страдает от требований, предъявляемых ему обществом, либо заставляет страдать само общество. Так что в определенном смысле все мы психопаты, поскольку навязанное общим благом отречение от собственных побуждений заставляет страдать каждого из нас. Но особенно это определение относится к тем людям, которые в результате ломаются и становятся либо невротиками, то есть больными, либо преступниками» [7,

* Возможно, в человеке изначально нет идеи доминирования над другими («воли к власти»), скорее он ожидает от них лояльности. Когда же ее не получает, то избирает тактику подавления и подчинения себе или конформизма.

Недовольство
упорядоченностью
жизни

с 247]. Вслед за К. Лоренцем мы можем утверждать, что хулиган достоин диагноза «психопат».

Р. Лэйнг утверждал, что психолог «должен обладать пластической способностью перемещать себя в другую, странную и даже чуждую перспективу мира... Только так он может достичь понимания экзистенциальной позиции пациента» [8, с. 176]. Необходимо попытаться увидеть человека не в слабости, а в силе соблазнов и оправданий, ведущих его к асоциальному и даже антисоциальному поведению. Подобная установка побуждает не ограничиваться более или менее удобными и простыми объяснениями случаев хулиганского поведения, как-то: проявлениями распушенности, невоспитанности, морально-этической неразвитости человека, и предположить, что по крайней мере за некоторыми из них кроется гораздо более фундаментальная мотивация – значительно более серьезная, чем одно лишь желание покуражиться, покрасоваться, показать свою удаль и превосходство над другими, повысить свою самооценку и т.п. К такому допущению склоняет то, что хулиганское поведение зачастую похоже на отчаянное стремление доказать нечто противоположное своему окружению в целом.

Хулиган отличается
общей асоциальной
напряженностью

В то же время, если в поле зрения хулигана попадает что-то конкретное, вызывающее недовольство, его общий негативизм к миру как будто получает объяснение и «объективное» обоснование. Хотя истинные мотивы могут и не осознаваться хулиганом, его объяснения и оправдания способны лишь маскировать скрытую от него самого более глубинную причину. Здесь мы сталкиваемся с потребностью человека выразить накопившееся общее недовольство условиями своего существования. Агрессия не является ответной реакцией на какой-либо определенный раздражитель – это разрядка сконденсировавшегося внутреннего напряжения человека в виде неспецифической реакции на раздражающе высокоупорядоченную жизнь в целом.

Бессмысленность
действий хулигана

Бессмысленность хулиганства есть психологическая реакция на социальные ожидания окружения, которые тяготят асоциальные ожидания асоциальной личности, у которой не сложилось представлений о добре и зле.

А. Леонидов-Филиппов писал: «Преступник немотивированный не находит места миру в себе» [9], то есть такой человек по своему внутреннему устройству не совпадает с законами мира своего существования и не может мириться с бессмыслицей.

Эмоции хулигана
насыщены
желанием расправы
над кем-либо

Эмоции хулигана насыщены желанием наказать кого-либо – все равно кого! Он – задира, и поэтому всякий, кто являет собой образец «правильности», законо-

послушания, воспринимается им как субъект покорности, готовности к подчинению, и уже только за это наказания заслуживают практически все! Хулиганство, рассматриваемое в таком ключе, предстает как протест против мира, охваченного действием неизменных законов – естественных ли, социальных ли, причем не индивидуально установленных, и потому всё, что устоялось, стало законом, традицией, каноном, хулиган стремится принизить, осквернить, развенчать и даже уничтожить – *деканонизировать*. На эту мысль наводит то обстоятельство, что хулиган получает особое удовольствие, когда оскорбляет представителей культуры: издевается над ними, насмехается, оскорбляет, желая показать их ничтожность, а также мнимость ценности идеального в сравнении с грубой силой. Почему-то он вообще чувствует себя оскорбленным и униженным культурой.

Хулиганские поступки порой не имеют определенной цели

Хулиганские поступки, как правило, совершаются без какой-либо цели – «просто так», но с определенной регулярностью, и, когда пытаешься выяснить, с какой целью, зачем, получаешь ответы: «Не знаю»; «Просто захотелось»; «Потянуло» и т.п. Не исключено, что и в основе озорства (детского хулиганства) скрыто желание понять: а где же тот край, дальше которого уже нельзя?

Хулиганы как будто проводят над окружающими жестокие эксперименты, подобно тому как в детстве отрывали крылышки у мух и стрекоз. В некоторых работах отмечается, что люди, склонные к совершению хулиганских действий, ведут себя в реальном мире так, как будто он прост, одномерен. Это приводит их к частым ошибкам, а в результате не к тому итогу, которого они ожидали, что крайне осложняет их взаимосвязи с окружающим миром. Таким объяснениям может противостоять признание И.В. Гёте, которого трудно упрекнуть в упрощенности представлений о мире: «Я никогда не слышал о таком преступлении, которое я не мог бы совершить, и не знаю ни одного порока, на который не был бы способен» [10, с. 477].

Что тянет хулиганов к прекрасному

Что же так тянет хулиганов к прекрасному, откуда у них возникает нечто подобное аллергии на произведения искусства? В своих признаниях они сообщают, что всегда с опаской и настороженностью относились к упорядоченной роскоши музеев – там им нечего было делать. С детства им больше нравилось лазать по заброшенным подвалам, развалинам: манила неизвестность, возможность пережить рискованные состояния, испытать страх и преодолеть его, привлекали картины катастроф, природных бедствий – в стихии разрушений виделось могущество «живой» силы.

Что пробуждает
враждебность
к прекрасному

Враждебность к произведениям искусства – это *тьма переживаний прекрасного*. В красоте проявляется совершенство законов, управляющих миром, и естество человека тянется к ней, чтобы слиться и замереть в созерцании. Отклонение от следования законам всегда оборачивается уродством – оно некрасиво и отталкивает, и это же служит подтверждением того, что красота поддерживает и освящает закон – она на стороне законов мира, которым душа не подчинена*.

Рассказывая о новых роскошных особняках, российский архитектор и теоретик архитектуры А. Раппапорт писал: «И вдруг меня посетила ужасная мысль – счастливым можно быть только в “хрущевке”! В новом доме счастливым быть нельзя... в нем люди превращаются в объекты, в выставочные экспонаты. Меня сильно поразило это странное чувство, и я тогда понял, что меня посетил момент истины. С этой архитектурой нельзя сравниться, потому что она совершеннее вас. Ваша ванна и ваш унитаз намного лучше вас... Как у Диогена, который плюнул в лицо хозяина дома, поскольку не мог найти более грязного места... Это какая-то совершенно новая этика, когда вы живете в совершенно идеальном доме, и все так прекрасно, но одновременно мертво. Прекрасное и мертвое... Это странное чувство – несвоевременные мысли. Я боюсь ими делиться, так как не знаю, что из этого следует» [11, с. 62].

Свобода
предполагает
непредсказуемость.
Так ли это?

Возможно, что сознание любого человека (а не только хулигана) периодически охватывает недоуменная мысль: как вообще человек – свободное существо – может жить в подчинении каким-либо законам и какой может быть смысл в мире неизменных законов?*** Ужасает мысль, что всю жизнь следует сверять свою соразмерность и согласованность с чем-либо, что должно.

Когда хулиган неистовствует, создается впечатление, что он хочет разложить мир на составные части и посмотреть: как он стал «таким правильным», таким упакованным в законы и почему он сам в них не помещается без остатка.

Согласно М.М. Бахтину, праздник освобождает человека от всякой утилитарности и практицизма [12, с. 300].

* Однако: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?...» (Мф.16:26).

** Итальянская пословица точно выражает этот стихийный протест: «Лучше быть мышью в когтях кошки, чем человеком в руках законника».

Критерии
выражения
праздника

Культуролог Х.Г. Кокс, определяя человека как существо праздничное (*Homo festus*), писал, что праздник – событие, которое заключает в себе три важных момента: *намеренный эксцесс, торжественное утверждение и контраст*. Х.Г. Кокс указал три критерия праздника:

1. Праздничная чрезмерность выражается в кратковременной свободе от условностей и норм обычного поведения.

2. Праздничное утверждение жизни содержит в себе радость в глубочайшем смысле слова – «в эти часы мы говорим жизни “да” вопреки фактам неудачи и даже смерти».

3. Праздник предполагает игру контрастов, противопоставление повседневности [Цит. по: 13, с. 115, 139–140].

Постижение тайн бытия во время карнавала вплетено в поведение людей и имеет эмоционально чувственный характер. Но это – отдельная тема...

Хулиганство как «персональный праздник» необузданного человека

Большинство людей терпеливо дожидаются календарной праздничности, другим же не терпится дождаться их наступления; большинство вполне удовлетворяется условной реально-идеальной фактурой таких «виртуальных» состояний и по их окончании сравнительно легко возвращаются к будням, другие же с грустью задумываются о фрагментарности и недолговечности пережитой свободы, о своей обреченности жить в мире ограничений. Но есть и радикально настроенные персонажи, которые думают и чувствуют иначе.

Хулиганство – эксцессная часть ненормативного поведения

Очевидно, что хулиганство – проявление лишь эксцессной части ненормативного поведения человека, в котором проявляется общая неукротимая и сверхнормативная активность его протестного, ориентированного на асоциальность духа, и которая все-таки находит себе место для самовыражения в социальных условиях здесь, на земле.

В отношении обсуждаемой проблемы следует обратиться к исследованиям В.С. Мухиной, которые она неизменно проводит уже около 17 лет, изучая психологию искушения отчуждением асоциальных людей, отличающихся своей циничной позицией по отношению к другим людям [14, с. 12–29, 157, 449, 497]. Неотступное изучение психологии преступивших законы человечности и правил следования принятым в обществе нормативам дало основание В.С. Мухиной относить преступающих нравственные нормы, сложившиеся в истории человечества, к категории *поврежденных*. В русском языке «наносающий порчу» – повреждатель, вредитель, а потому сам поврежденный [Там же, с. 30–32].

Ненормативность души

Ненормативность проникает, присутствует в любой сфере деятельности человека, который во всем с большей или меньшей остротой чувствует свое несоответствие реальному окружению. Именно это побуждает человека искать альтернативные пути самоактуализации во взаимодействии или противостоянии миру.

Перспективы психологических исследований «ненормативности» человека

В связи с вышеизложенным хочется высказать предположение: не исключено, что потенциально наиболее «творческими» в плане будущих открытий в психологии, возможно, окажутся те сферы и аспекты жизнедеятельности человека, которые так или иначе касаются проблем нормы и патологии человеческой психики и поведения, понимания природы творчества и одаренности, задач создания благоприятных условий для формирования творческой личности, «социализации» человека, его отношения установленным в обществе нормам, развития навыков к совместной деятельности, понимания причин и мотивов девиаций и преступности и др. К таковым, прежде всего, следует отнести *детскую психологию и психологию творчества, патопсихологию и юридическую психологию*, общей темой в которых является вольное или невольное отклонение человека от соблюдения социальных норм, незнание их, игнорирование или неспособность выполнять – все их объединяет интерес к человеку, поведение которого по тем или иным причинам не согласуется с общепринятой нормативной деятельностью.

Проблемы социализации

Нельзя не сказать, что созидательное творчество предполагает максимальную сосредоточенность, последовательность и неотступность в процессе созидания нового. Хулиган, в отличие от нормативно-ориентированного человека, не может созидать, он нетерпелив, духовно ленив. Хулиган и не подозревает, что разрушительная активность вовсе неравносильна созиданию, и потому, оказавшись в ситуации, когда будто бы обрел условия для свободного самовыражения – *где нет ничего*, он совершенно беспомощен и не способен создать что-либо существенно новое... Разве что уличное «граффити» самого примитивного свойства.

Хулиган способен лишь на ужасающие невротические разрядки. Своими действиями хулиган делает людей *подобием вещей* – относится к ним, как к бездушным предметам.

Профилактика и психологическая коррекция асоциального поведения чрезвычайно сложны. Социализация асоциальных элементов должна проходить под эгидой закона и пристального внимания правоохранитель-

ных органов и всех граждан. Хулиган должен подлежать строгому общественному контролю.

1. *Тюрин П.* Психология между буквой и духом закона (теория и практика юридической психологии). – Рига, 2012.

2. *Тюрин П.* Альтернативы социальных парадигм в Латвии // Альманах Гуманитарного семинара *Seminarium Hortus Humanitatis*. – 2006. – № 6. – С. 49–66.

3. *Козаченко И.Я., Новоселов Г.П.* Уголовное право. Особенная часть: учебник. – 4-е изд. – М., 2008.

4. *Антонян Ю.М.* Психология преступника и расследования преступлений / Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. – М., 1996.

5. *Флоренский П.* Столп и утверждение истины: в 2 т. Т. 1. – М., 1990.

6. *Файвишевский В.А.* О существовании неосознаваемых негативных мотиваций и их проявление в поведении человека // *Бессознательное: природа, функции, методы исследования*. – Т. 3. – Тбилиси, 1978.

7. *Лоренц К.* Агрессия (так называемое «зло»). – М., 1994.

8. *Лэйнг Р.* Разделенное Я (Экзистенциальное исследование душевного здоровья и сумасшествия) // *Логос* (философско-литературный журнал). – 1992. – № 3. – С. 165–176.

9. *Леонидов-Филиппов А.* Гордящиеся позором. – <http://economicsandwe.com/doc/1027>

10. *Grimm H.* Goethe. – Berlin, 1882.

11. *Раннапорт А.* Архитектуру может спасти только бог // *Rīgas laiks*. Русское издание. – Веста, 2012.

12. *Бахтин М.М.* Франсуа Рабле в истории реализма (1940 г.) // *Собр. соч.* в 7 т. Т. 4 (1). – М., 2008. – С. 11–505.

13. *Роднянская И.Б.* Кокс Х.Г. Праздник шутов. Теологический очерк празднества и фантазии // *Современные концепции культурного кризиса на Западе*. – М., 1976.

14. *Мухина В.С.* Отчужденные: Абсолют отчуждения. – 2-е изд. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010.

References

1. Tyurin P. *Psihologiya mezhdu bukvoy i duhom zakona (teoriya i praktika yuridicheskoy psihologii)*. Riga, 2012. (in Russian)

2. Tyurin P. Alternativyi sotsialnyih paradigm v Latvii. In: *Almanah Gumanitarnogo seminara Seminarium Hortus Humanitatis*. 2006. No. 6, pp. 49–66. (in Russian)
3. Kozachenko I.Ya., Novoselov G.P. *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast: uchebnik*. 4-e izd. Moscow, 2008. (in Russian)
4. Antonyan Yu.M. *Psihologiya prestupnika i rassledovaniya prestupleniy*. Yu.M. Antonyan, M.I. Enikeev, V.E. Eminov. Moscow, 1996. (in Russian)
5. Florenskiy P. *Stolp i utverzhdenie istinyi*: in 2 vol. Vol. 1. Moscow, 1990. (in Russian)
6. Fayvishevskiy V.A. O suschestvovanii neosoznavayemyih negativnyih motivatsiy i ih proyavlenie v povedenii cheloveka. In: *Bessoznatelnoe: priroda, funktsii, metodyi issledovaniya*. Vol. 3. Tbilisi, 1978. (in Russian)
7. Lorents K. *Agressiya (tak nazyivaemoe "zlo")*. Moscow, 1994. (in Russian)
8. Leyng R. Razdelennoe Ya (Ekzistentsialnoe issledovanie dushevnoho zdorovya i sumasshestviya). In: *Logos (filosofsko-literaturnyy zhurnal)*, 1992, No. 3, pp. 165–176. (in Russian)
9. Leonidov-Filippov A. *Gordyaschiesya pozorom*. <http://economicsandwe.com/doc/1027> (in Russian)
10. Grimm H. *Goethe*. Berlin, 1882.
11. Rappaport A. Arhitekturu mozhet spasti tol'ko bog. In: *Rīgas laiks*. Russkoe izdanie. Vesta, 2012. (in Russian)
12. Bahtin M.M. Fransua Rable v istorii realizma (1940 g.). In: *Sobranie sochinenij in 7 vol*. Vol. 4 (1). Moscow, 2008, pp. 11–505. (in Russian)
13. Rodnjanskaja I.B. Koks H.G. Prazdnik shutov. Teologicheskij ocherk prazdnestva i fantazii. In: *Sovremennye kontseptsii kul'turnogo krizisa na Zapade*. Moscow, 1976. (in Russian)
14. Muhina V.S. *Otchuzhdennyye: Absoljut otchuzhdeniya*. 2-e izd. Svjato-Troitskaja Sergieva Lavra, 2010.

